

Хазин А.Л., Богданов С.В.

**Венский конгресс 1814–1815 годов и его участники:
коммуникативные инструменты, ошибки, достижения**

О Венском конгрессе написано множество книг и статей, основное внимание в которых уделяется выработке и принятию решений по политическому переустройству Европы. Между тем исключительно важную роль играли личные качества выдающихся политических деятелей, участвовавших в работе конгресса, приемы, механизмы и инструменты коммуникации между ними. Этот крупный международный форум в столице Австрии проходил в непринужденной обстановке, которая способствовала выходу личных коммуникативных качеств политиков на первый план. Современники называли его «танцующим конгрессом». Многие важные вопросы решались на балах, в салонах, на великосветских приемах. В них участвовали выдающиеся люди своего времени, короли, императоры, министры, дипломаты, светские львицы, которые принимали или оказывали влияние на принятие ключевых решений. Как эти блестящие люди добивались своих целей, какие коммуникативные тактики и инструменты использовали для решения поставленных задач — об этом пойдет речь в настоящей статье.

Осенью 1814 года столица Австрийской империи — Вена — превратилась в центр европейской политики. Сюда прибыли почти все европейские монархи, множество представителей самых знатных аристократических родов Европы. Из коронованных особ в Вену прибыли российский император Александр I, король Пруссии Фридрих Вильгельм III, король Дании Фредерик VI, король Вюртемберга Фридрих I, король Баварии Максимилиан I Иосиф. В Вене также находился принц Леопольд Саксен-Кобургский, будущий король Бельгии, а в то время — генерал-майор русской армии (с октября 1815 года — генерал-лейтенант). Кроме того, на конгрессе присутствовали представители Испании, Португалии, Швеции, представители всех германских и итальянских государств. Фредерик Лагарп, учитель Александра I, представлял кантоны Швейцарии. В австрийской столице были аккредитованы 216 дипломатов из разных стран. Монархов разместили в Хофбурге, венской императорской резиденции, а остальные члены делегаций поселились в роскошных домах: так, например, Талейран остановился во дворце князя фон Кауница. Для обслуживания участников конгресса было выделено 300 колясок и более 1 200 лошадей. Конгресс

вызвал огромный наплыв людей в Вену из разных стран, он был настолько велик, что современники оценивали его в 100 000 человек¹.

Венский конгресс проходил в атмосфере бесконечного праздника. Балы, приемы, торжественные обеды устраивались почти ежедневно и следовали один за другим. Эти торжества впечатляли своей роскошью. На семейном празднике у князя Эстерхази подавали токай столетней выдержки, одна бутылка которого стоила 150 гульденов. На хозяйке дома были бриллианты стоимостью в 6 миллионов ливров. Роскошные приемы устраивал российский вельможа и дипломат А.К. Разумовский, сын последнего гетмана Украины, много лет живший в австрийской столице и под влиянием своей жены, графини Тюргейм, принявший католичество². По понедельникам давал балы сам австрийский канцлер Меттерних, и его балы были вне конкуренции по фантазии и роскоши. Помимо танцев устраивались живые картинки в стиле рыцарского средневековья и Ренессанса.

Всеобщее одобрение вызывали обеды, которые давал Талейран. Когда Людовик XVIII запросил у него из Парижа, нужна ли ему дополнительная дипломатическая помощь, Талейран ответил: не присылайте дипломатов, пришлите поваров. Однажды за ужином гости заспорили о вкусах национальных сыров. Так как на кухнях дворца Кауница совсем не осталось бри, любимого сыра Талейрана, то он молчал, пока его гости обсуждали достоинства горгонзолы, эдама, стилтона и прочих сыров. В это время вошел камердинер и сообщил о прибытии из Парижа курьера с письмами от короля Людовика и посылками. Талейран, отправивший королю заказы на французские деликатесы, был убежден, что в посылке есть и бри. «Отнесите письма в мой кабинет, а сыр подайте сюда», — приказал он камердинеру. Действительно, на столах появился бри. «Теперь, господа, — сказал Талейран, — вы смело можете сделать правильный выбор»³.

Общее настроение участников выразил прусский король Фридрих-Вильгельм III, хотя он и был настроен меланхолично, так как тяжело переживал раннюю смерть своей жены: «После всего того, что Франция заставила нас пережить за двадцать пять лет, мы заслужили этот сезон удовольствий»⁴. Тогда ходила шутка: «Баварский король пьет за всех, вюртембергский ест за всех, царь любит за всех, а

¹ Бутенко В.А. Венский конгресс // Отечественная война 1812 года и русское общество. Юбилейное издание. 1812–1912. М., 1912. Т. 7. С. 8.

² Нечаев С.Ю. Талейран. М., 2013. С. 238.

³ Лодей Д. Талейран. Главный министр Наполеона. М., 2009. С. 396.

⁴ Рахмиров П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 140.

Франц платит за всех»⁵. Со временем Вена стала уже уставать от бесконечных праздников. Австрийский император Франц уже в начале октября сказал: «Когда все это

Александр I

кончится! Мне не выдержать долго такой жизни». Супруга Франца, императрица Мария Людовика, заявила: «Конгресс стоит мне 10 лет жизни». До окончания конгресса не дожидаясь австрийский фельдмаршал Шарль Жозеф де Линь. Он умер 13 декабря 1814 года в возрасте 79 лет. Венские жители считали его жертвой затянувшегося конгресса: «Конгресс его доконал. Не жди добра, если собралось вместе такое множество государей»⁶.

Тем не менее, в течение всего времени работы конгресса праздники продолжались.

Помимо выполнения своей основной функции, они являлись инструментами решения политических задач. Один из современников так характеризовал эти праздники: «Никогда, без сомнения, более важные и сложные интересы не обсуждались среди такого количества праздников. Во время бала дробилось на части или увеличивалось королевство, во время обеда получалось согласие на вознаграждение, план конституции намечался во время охоты; иной раз остроумия или удачное выражение скрепляли договор, заключения которого только с большим трудом можно было достигнуть путем многочисленных совещаний и длительной переписки... Конгресс носил характер большого празднества, даваемого в честь всеобщего умиротворения»⁷. Политическое значение празднеств и важную роль в их организации австрийского канцлера Меттерниха отмечает Марсель Брион, автор книги о жизни Вены в XVIII–XIX веках. По его словам, Меттерних «понимал также, что рабочие заседания конгресса должны чередоваться с празднествами, потому что удовольствия и развлечения представляют собой некую смазку, необходимую этому механизму». Кроме того, «подготовка и руководство развлечениями иностранных гостей были еще одним способом держать их под контролем. Пышность, которую афишировал Меттерних, должна была, по его понятиям, служить пропаганде Габсбургского дома и свидетельствовать о благополучии

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Там же.

⁷ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 8.

австрийских финансов. Идея о том, что для получения кредита, пусть даже только морального, следует основательно потратиться, была правильной идеей»⁸.

Государственными деятелями, игравшими ключевую роль в принятии решений на Венском конгрессе, были российский император Александр I, министр иностранных дел Австрии Клеменс фон Меттерних, министр иностранных дел Франции Талейран, глава британского МИД Роберт Каслри и глава прусского внешнеполитического ведомства Карл Гарденберг.

Коммуникативные способности императора Александра I сыграли не последнюю роль в том, что российской дипломатии в ходе Венского конгресса в значительной мере удалось добиться своих целей. Дипломатия была одним из любимых занятий Александра, ему нравились техника и тонкости дипломатических переговоров. Многие современники считали Александра загадкой, сфинксом, неискренним человеком. По общему мнению, он обладал незаурядными актерскими способностями. Наполеон называл его «северный Тальма», по имени знаменитого французского актера конца XVIII — начала XIX веков, у которого сам французский император брал уроки актерского мастерства. Александр был обаятельным, дружелюбным и обходительным в общении, умеющим очаровать своих собеседников.

При всей общепризнанной непоследовательности своей внутренней политики российский император, по-видимому, был искренним приверженцем либеральных идей и ценностей Просвещения (хотя в последние годы жизни в мировоззрении Александра доминировали консервативные и мистические идеи). Характерно, что среди королевских особ Европы Александр имел устойчивую репутацию либерала. Когда в марте 1815 года было получено известие об отплытии Наполеона с Эльбы для восстановления своей власти во Франции, австрийский император Франц I в сердцах сказал Александру: «Вот последствия покровительства, оказанного парижским якобинцам!» В этой реплике, конечно, отразилось и негодование по поводу той роли, которую российский император сыграл в преобразовании постнаполеоновской Франции в конституционную монархию.

В то же время среди характерных черт личности Александра современники отмечали определенный налет самолюбования, желания быть в центре благосклонного внимания. У него проявлялось стремление выглядеть верховным правителем, дарующим блага не только своим подданным, но и европейским странам. Не случайно, что в войнах

⁸ Брион М. Повседневная жизнь Вены во времена Моцарта и Шуберта. М., 2009. С. 246.

с наполеоновской Францией на территории Европы в 1805–1807 годах, и в 1813–1814 годах, а также в ходе крупных дипломатических переговоров Александр действовал на первом плане, а в Отечественную войну 1812 года он оставался как бы в тени. Александру была близка роль Агамемнона, «царя царей», освободителя Европы. Как отмечал много и близко общавшийся с Александром австрийский министр иностранных дел фон Меттерних, «Александр желает мира всему миру, но не ради мира как такового и благословенных его последствий; скорее ради самого себя; и не безоговорочно, но с невысказанной задней мыслью: он должен оставаться арбитром, от него должно исходить счастье всех, и вся Европа должна признавать, что ее покой — это дело его трудов, ее покой зависит от его доброй воли и может быть нарушен по его прихоти»⁹.

Готовясь войти в Париж, и уже в самой столице Франции, Александр производил впечатление великодушного лидера великой державы. Он не хотел кровопролития под Парижем. Император писал генералу М.Ф. Орлову: «Париж, лишенный своих защитников и своего великого вождя, не в силах сопротивляться, я глубоко убежден в этом». Александр дал полномочия Орлову прекращать бой всякий раз, когда будет надежда на мирную капитуляцию. Такое же великодушие российский император проявлял к самому Наполеону. Александр на переговорах в только что занятом союзными войсками Париже с представителем Наполеона Коленкур, прибывшим из Фонтенбло, настаивая на том, чтобы Коленкур убедил Наполеона отречься от престола, твердо пообещал, что «все, что только будет возможно сделать для почета Наполеону, будет сделано», и снова назвал Наполеона «великим человеком»¹⁰.

Александр I был противником возвращения Бурбонов на французский престол. Однажды он сказал принцу Евгению Богарне: «Я не знаю, не раскаюсь ли я в том, что возвел Бурбонов на престол. Поверьте мне, мой дорогой Евгений, это нехорошие люди, они у нас побывали в России, и я знаю, какого мнения мне о них держаться». А в разговоре с Лафайетом Александр заявил: «Они не исправились и неисправимы», что было очень похоже на афоризм Талейрана, произнесенный им по поводу тех же самых Бурбонов: «Они ничего не забыли и ничему не научились»¹¹.

По некоторым признакам и свидетельствам Александр был готов согласиться на воцарение трехлетнего сына Наполеона, римского короля, при регентстве его матери

⁹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. URL: <http://www.rulit.net/books/diplomatiya-read-283887-1.html>.

¹⁰ Тарле Е.В. Наполеон // Тарле Е.В. Избранные сочинения в четырех томах. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1994. С. 356.

¹¹ Тарле Е.В. Талейран // Тарле Е.В. Избранные сочинения в четырех томах. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1994. С. 568.

Марии-Луизы. Более того, российский император был готов поддержать самые разнообразные сценарии политического развития Франции после Наполеона. За две недели до своего въезда в Париж Александр встретился с представителем Бурбонов бароном де Витроллем, в разговоре с которым перечислил различные варианты создания новой власти. Начал он с обоснования нежелательности возвращения Бурбонов. «Что же, если бы вы их (Бурбонов) знали, вы были бы убеждены, что тяжесть подобной короны слишком для них велика... Мы уже много искали, что могло бы подойти Франции, если бы Наполеон исчез. Некоторое время тому назад мы думали о Бернадотте. Его влияние на армию, расположение, которые он должен иметь в кругу друзей революции, остановили на один момент нашу мысль на нем. Но затем некоторые мотивы нас отдалили от этой мысли. Говорили и о Евгении Богарне, его уважают во Франции, его любят армия, он вышел из рядов дворянства. Может быть, он имел бы многочисленных сторонников. А потом, может быть, благоразумно организованная республика больше подошла бы духу французов? Ведь не бесследно же идеи свободы долго зрели в такой стране, как ваша! Эти идеи делают очень трудным установление более концентрированной власти»¹². Подобное признание в возможных преимуществах республиканской формы правления со стороны российского самодержца привело в совершенный шок роялиста Витролля.

В ожидании открытия конгресса Александр I посетил Голландию, а в конце мая 1814 года — Англию, куда он отправился вместе со своей сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. Везде его ждал теплый прием общества, в то время как представители британской правящей элиты относились к нему настороженно. И хотя, казалось бы, либеральные намерения Александра должны были вызвать сочувствие Великобритании, на самом деле правительство консерваторов поддерживало интересы английской аристократии и было враждебно конституционным идеям. Глава британского МИДа Роберт Каслри пытался, как мог, снизить репутацию русского монарха как «главного освободителя Европы». В частности, он убедил принца Уэльского Георга (являвшегося регентом при своем больном отце, короле Георге III) в том, что «русский император обладает величайшими заслугами и должен превозноситься, но его нужно сделать частью группы, а не единственным предметом обожания». Также принцу-регенту и его министрам не нравилось расположение Александра к вигам, доходившее до того, что император, говоря о пользе ответственной и умеренной оппозиции, сказал, что желал бы, чтобы такая оппозиция появилась в России. В результате, в высших кругах

¹² Там же. С. 563.

Великобритании Александра практически никогда не принимали наедине. Во всех встречах он участвовал вместе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и прусским военачальником Гебхардом фон Блюхером¹³.

То обстоятельство, что российскому императору не удалось привлечь на свою сторону представителей британской правящей элиты, было вызвано также коммуникативными ошибками, допущенными Александром I во время визита в Великобританию. Великий князь Николай Михайлович, автор фундаментальной биографии Александра I, считал, что основная причина этих ошибок состояла в том, что император «подпал всецело под влияние своей взбалмошной сестры Екатерины»¹⁴. С его точки зрения крупным просчетом стало поддержание Александром I и его сестрой тесных контактов с вигами, находившимися в оппозиции. По мнению великого князя Николая Михайловича, это объяснялось характером Екатерины Павловны, которая была «пылкой», «вспыльчивой», «часто подпадала под минутное влияние», вследствие чего «нередко делала непоправимые промахи, сильно вредившие ей»¹⁵. Отсутствие взаимопонимания с принцем-регентом, министрами и даже с русским послом Ливеном подтолкнуло великую княгиню к тому, что она, «со свойственной ей страстностью», стала оказывать знаки расположения тем, кто был против принца Георга и правительства консерваторов, прежде всего, представителям либеральной оппозиции, а также дочери принца-регента, с которым она находилась в ссоре¹⁶. В результате «за спиной русского императора... образовалось враждебное звено в лице лорда Каслри и князя Меттерниха, которое вскоре на Венском конгрессе привело к печальным последствиям». Таким образом, по мнению великого князя Николая Михайловича, «путешествие, от которого так много ожидали все, искренне желавшие сближения между Россией и Англией, не привело ни к чему, а дало лишь поводы к недовольству и злобе»¹⁷. То, что проявления взаимного непонимания между российским императором и британским правительством в ходе визита в Англию стали одной из причин трудностей, с которыми столкнулась Россия на Венском конгрессе, отмечал также генерал-адъютант А.И. Чернышев в письме А.А. Аракчееву 25 декабря 1814 года¹⁸.

¹³ Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. М., 2012. С. 322.

¹⁴ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Биография. М., 2010. С. 144.

¹⁵ Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. IX.

¹⁶ Там же. С. X.

¹⁷ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Биография. С. 144.

¹⁸ Отечественная война в письмах современников (1812–1815) / Сост. Н.Ф. Дубровин // Записки Императорской академии наук. Т. 43. СПб., 1882. С. 540.

Более серьезная коммуникативная ошибка Александра I состояла в том, что он время от времени давал обещания, выполнить которые было трудно, что создавало дополнительные проблемы российской делегации на конгрессе. В свою очередь стремление давать трудновыполнимые обещания, по отзывам современников, вызывалось некоторыми чертами его характера, желанием находиться в центре внимания, быть предметом восхищения. А когда полностью выполнить данное обещание оказывалось невозможным, Александр I был склонен искать причину не в неблагоприятных обстоятельствах, и уж тем более не в самом себе, а в интригах своих противников, что, очевидно, осложняло его отношения с партнерами по переговорам, прежде всего, с представителями Австрии и Великобритании.

В соответствии с представлениями венского общества, обобщенными В. Тимощуком на основе донесений информаторов венской тайной полиции, твердая позиция Александра I в польском и саксонском вопросах, по крайней мере отчасти, объяснялась данными им обещаниями. Еще до вступления в Париж российский император торжественно обещал восстановить Польшу, а затем подтвердил свое обещание в письме Тадеушу Костюшко. А когда планы восстановления Польши вызвали недовольство союзников, для того, чтобы не допустить передачу части польских земель Пруссии, Александр обещал свое содействие Пруссии в присоединении всей Саксонии, понимая при этом, что и в саксонском вопросе он столкнется с австрийскими интересами. Кроме того, Александр обещал добиться предоставления отдельного владения Евгению Богарне, что подтверждалось перепиской принца Евгения с его супругой. Наконец, Элизу Бонапарт, сестру Наполеона, он обнадежил тем, что княжество Лукка останется в ее владении, о чем она напомнила Александру письмом во время Венского конгресса¹⁹.

Даже внимание Александра к блистательным аристократкам Вены представители венского общества приписывали его желанию польстить своему самолюбию. Особой благосклонностью императора пользовались княгиня Эстерхази, графиня Софья Зичи, княгиня Ауэршперг, княгиня Лихтенштейн, графиня Сечени. Однако дамы вскоре сами стали отмечать, что император «не столько увлекался их красотой, как сам хотел нравиться, быть предметом обожания»²⁰.

¹⁹ Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов Венской тайной полиции // Русская старина. Т. 157. Январь – февраль – март 1914. С. 36.

²⁰ Там же. С. 139.

Адам Чарторыйский

Александр I выехал из Петербурга в Вену 2 сентября 1814 года. По просьбе Адама Чарторыйского (друга молодости Александра, министра иностранных дел России в 1804–1806 годах, одного из ключевых сотрудников команды «молодых реформаторов», группировавшихся вокруг молодого императора в первые годы его царствования), он на некоторое время остановился в родовом имении Чарторыйских Пулавах, где в это время также находилась мать Адама графиня Изабелла Флеминг Чарторыйская. Они старались очаровать императора с тем, чтобы он прислушался к мнению Чарторыйских относительно судьбы Польши. Уже там Александр в полной мере проявил свои дипломатические и коммуникативные качества: не обещая ничего конкретного, он сумел, тем не менее, убедить окружающих в искренности своих намерений удовлетворить их стремления. В Пулавах он повторил свое обещание восстановить Польшу, но выразил сомнение в реальной возможности сдержать свое слово. Как вспоминал находившийся с императором в имении Чарторыйских Николай Новосильцев, речь императора была «так убедительна, так разумна и, вместе с тем, так осторожна и ловка, что я не мог прийти в себя от удивления. Он не обещал ничего, не принял на себя никакого обязательства, а все требовал, и не смотря на то, все... были восхищены его приемом и в высшей степени удивлялись ясности и верности его мыслей»²¹.

Присоединение к России большей части территории герцогства Варшавского было, пожалуй, главной целью Александра на Венском конгрессе. В Польше, включенной в состав Российской империи, планировалось проведение либеральной политической реформы, предусматривавшей введение конституции и парламента. Существует точка зрения, что Александру была нужна Польша в том числе потому, что он видел в ней своеобразную экспериментальную площадку для обкатки либеральных реформ, которые он впоследствии хотел бы распространить на всю территорию России²². Стремление к восстановлению Польши под скипетром российского императора было своего рода личным проектом Александра, для него это было очень важным. В письме Михаилу Клеофасу Огинскому в ноябре 1812 года

²¹ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. С. 2.

²² Левандовский А. Александр I / программа «Не так»; радиостанция «Эхо Москвы»; вед. С. Бунтман; эфир 30.03.2002. URL: <http://echo.msk.ru/programs/netak/18089/#element-text>.

Александр писал: «Я воссоздам Польшу... Я сделаю это потому, что это согласуется с моими убеждениями, с чувствами моего сердца, и еще — с интересами моей империи»²³. Однажды в разговоре с императором княгиня Екатерина Багратион попыталась встать на позицию, противоположную его взглядам. Но у нее ничего не получилось: «Он говорит, что это для него вопрос чести, что он дал слово полякам, что он обязан сдержать его, что он от него не отступит, хотя бы на него обрушился весь мир; он поедет из Вены в Мюнхен, оттуда в Берлин, а затем в Варшаву, где провозгласит себя королем польским и примет меры, ежели этому подумают воспротивиться». И в заключение император сказал: «Польша наша. Она должна остаться нашей; я никогда не откажусь от нее. Я занял ее с двухсоттысячной армией; увидим, кто прогонит меня оттуда»²⁴. В вопросе о Польше значительное влияние на императора оказывал Адам Чарторыйский, который в период Венского конгресса был главным советником Александра по польскому вопросу. Следует отметить, что в окружении Александра, среди дипломатов и государственных деятелей, было много противников восстановления Польши. Однако в этом вопросе император был непреклонен. Зная о нерасположении своих дипломатов к идее восстановления Польши, Александр иногда поручал писать ноты по польским делам Чарторыйскому, а также Иоганну фон Анштетту, высокопоставленному российскому дипломату, участвовавшему в работе конгресса.

Фредерик Лагарп

Александр прибыл в Вену 13 сентября 1814 года. Кроме императора, официальными представителями России на Венском конгрессе были граф А.К. Разумовский, граф К.В. Нессельроде, российский посол в Вене Г.О. Штакельберг. Также при императоре находились Иоанн Каподистрия, князь Адам Чарторыйский и известный прусский государственный деятель Генрих Штейн, состоявший с 1812 года на русской службе. Они не являлись членами конгресса, а выступали в роли советников Александра I, которым он давал

²³ Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. М., 2012. С. 325.

²⁴ Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов Венской тайной полиции. С. 141.

отдельные вопросы на рассмотрение с тем, чтобы они представили ему свои мнения. В свиту императора в Вене входили начальник главного штаба князь П.М. Волконский, генерал-адъютанты А.П. Ожаровский, А.И. Чернышев, К.И. Поццо-ди-Борго, флигель-адъютанты П.Д. Киселев, Н.П. Панкратьев, А.И. Михайловский-Данилевский. На сравнительно короткий период в Вену был вызван генерал-адъютант П.В. Кутузов, но не по делам конгресса, а, как вспоминал находившийся в это время в Вене С.Г. Волконский, «для каких-то переговоров и поручений по России»²⁵. В состав канцелярии К.В. Нессельроде входили И.О. Анштетт (в 1812 году был директором дипломатической канцелярии при армии М.И. Кутузова), К.Я. Булгаков, И.И. Воронцов-Дашков, Н.А. Кокошкин. В.Р. Марченко.

Российский император принимал личное участие в работе конгресса и непосредственно руководил всей работой российской делегации. Флигель-адъютант А.И. Михайловский-Данилевский отмечал: «Император употреблял теперь генералов и дипломатов не как своих советников, но как исполнителей своей воли; они его боятся как слуги своего господина». Александр любил и чувствовал тонкости дипломатической деятельности. Известный составитель психологических портретов российских императоров Г.И. Чулков писал: «имея дело с такими хитрецами, как Талейран или Меттерних, приходилось самому хитрить. Опыт юности, эта невольная лукавая политика по отношению к бабушке и отцу, теперь пригодился Александру». В то же время историк, опираясь на впечатления непосредственных наблюдателей, отмечал применение Александром женских уловок и тактик для достижения своих целей. По мнению Чулкова, в хитрости Александра было что-то женское: «те хитрости, которые он применил в начале Венского конгресса в борьбе с Меттернихом, были женские хитрости». Историк приводит слова французского посла графа Лафероне об Александре: «Самые существенные свойства его — тщеславие и хитрость или притворство, если бы надеть на него женское платье, он мог бы представить тонкую женщину»²⁶. И сам Меттерних характеризовал Александра как «странную смесь мужественных качеств и женских слабостей»²⁷. По его мнению, в характере Александра «не было достаточной силы для настоящего честолюбия и было довольно слабости, чтобы допустить тщеславие»²⁸.

²⁵ Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 307.

²⁶ Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. М., 1993. URL: http://militera.lib.ru/bio/chulkov_gi/02.html.

²⁷ Меттерних К.В., фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 169.

²⁸ Там же. С.170.

Одной из примечательных черт пребывания Александра I в Вене стали его встречи со своим учителем Фредериком Лагарпом, который прибыл туда по делам конгресса. Во время одной из встреч император вручил ему орден Св. Апостола Андрея Первозванного. Это событие произвело благоприятное впечатление на окружающих как свидетельство признательности и благодарности императора своему наставнику. С.Г. Волконский так описал эту встречу: «На другой день прибыл он (Лагарп. — Прим. авт.) и во дворец, вероятно уже приглашенный, и едва вошел в комнату, предшествующую кабинету государя, то был призван к императору. Как теперь помню этого маститого старца в майорском мундире военного времени Екатерины. Какой был и о чем разговор между представителем демократических идей и царственным его воспитанником, уже тогда поборником этих начал, не знаю, но после долговременного, вероятно, задушевного разговора, выходит Лагарп из кабинета государя в Андреевской звезде и ленте, то есть с высшей почетной наградой, которую ему мог дать государь. Честь и слава царю за признание венценосцем, что в воспитателе своем он признает начала той славы могущества, им обладаемой, и это неожиданное событие возродило уважение даже в черствых сердцах присутствующих тут царедворцев»²⁹. О признательности Лагарпу свидетельствуют также слова, сказанные Александром I Екатерине Багратион во время одной из встреч с ней в Вене: «Я обязан Лагарпу тем, что я стал человеком; монарх обыкновенно только монарх и более ничего; он же сделал из меня человека и я буду благодарен за это всю жизнь»³⁰.

Среди лиц, окружавших коронованных особ, Лагарп отличался скромностью и демократичным стилем общения. Графиня Эделинг, фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, вспоминала: «Между царедворцами, дипломатами, князьями и любопытствующими лицами, теснившимися в залах Бруксальского замка, я заметила Лагарпа. Он наслаждался славою Александра, как плодом трудов своих. Мещанская простота в обращении не соответствовала его Андреевской ленте. Чистотою своих побуждения он обезоруживал ненависть и зависть, и самые сильные против него предубеждения незаметно пропадали в беседе с ним»³¹. Похожее впечатление оставил Лагарп у А.И. Михайловского-Данилевского, флигель-адъютанта Александра I, находившегося с ним в Вене. По его словам, Лагарп «был так скромен в обхождении, как будто бы не выходил из среды обыкновенных людей и не принадлежал Истории. Во дворце становился он обыкновенно поодаль других, и обращался одинаково и

²⁹ Волконский С.Г. Указ. соч. С.311.

³⁰ Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов Венской тайной полиции. С. 140.

³¹ Из записок графини Эделинг // Русский архив. Вып. 3. 1887. С. 299.

Роберт Каслри

непринужденно с подданными и с повелителями народов... Почти каждую неделю обедал он вдвоем с государем, и являлся к своему питомцу без всякого этикета, во фраке и в сапогах»³².

Что касается отношения Александра к своим партнерам по переговорам, то оно было различным. По воспоминаниям доверенного лица Меттерниха Фридриха Генца, Александр недолюбливал австрийского министра за его лукавство и готовность, по словам Александра, все время «лгать». Однако, считая Австрию противовесом Франции и Англии,

Александр уделял много времени контактам с Меттернихом и поиску путей австро-российского компромисса. Неслучайно ради достижения соглашения с Австрией Александр был готов согласиться на воцарение Наполеона II, внука австрийского императора. Что касается отношения к британскому министру иностранных дел Роберту Каслри, то он импонировал Александру своей прямоотой, несмотря на то, что был известен своим консерватизмом и боязнью революций. Александр, по словам Генца, «не дрожал перед британским правительством», он просто считал его вторым по силе после России, и делал из этого соответствующие выводы. А вот к кому Александр относился с презрением, так это к французскому королю Людовику XVIII и его брату Карлу Артуа. Российский император настаивал на ограничении власти Бурбонов конституцией, полагая, что попытки восстановления абсолютной монархии вызовут новую революцию и полосу нестабильности в Европе. Бурбоны со своей стороны тяготились русским диктатом и стремились найти противовес у других участников конгресса. Это входило как в личные, так и в государственные планы французского министра иностранных дел Шарля Талейрана. К маю 1815 года в целом неплохие отношения между Талейраном и императором явно испортились³³.

Что касается участия в праздниках, то император Александр I вполне выдерживал конкуренцию со своими европейскими коллегами, а в чем-то их и превосходил. Александр очень много танцевал, и даже принимал участие в детских балах. На одном из таких балов, который давал австрийский фельдмаршал князь Карл Шварценберг, Александр танцевал с маленькой графиней Вильчек, и в один из

³² Михайловский-Данилевский А.А. Записки 1814 и 1815 гг. СПб., 1841. С. 59–60.

³³ Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. С. 323.

моментов, когда царь чуть было не упал, девочка успела его поддержать. Когда царь ее поблагодарил, маленькая графиня сказала в ответ: «Я горжусь тем, что спасла европейское равновесие»³⁴. Эти слова в устах маленькой девочки свидетельствовали не только о ее чувстве юмора, но также и о том, насколько было распространен термин, ставший одним из основных принципов работы Конгресса, да и вообще, дипломатической жизни рассматриваемого периода.

К 17 ноября 1814 года Александр I установил своеобразный рекорд, протанцевав более трех десятков ночей. Танцевальный марафон все таки сказался на его форме, так как вечером этого дня во время вальса с леди Каслри царь оказался в обморочном состоянии. О том, что танцы были любимым развлечением императора, свидетельствует также рассказ Генца, относящийся к пребыванию Александра I в Англии летом 1814 года. По его словам, «император приехал в *Hotel Pulteney* с принцессой Ольденбургской в 3 часа утра из Оксфорда, тотчас переоделся и отправился на бал к леди Джерси, где он танцевал до 6 часов утра. В 10 часов он уже поехал осматривать различные общественные учреждения, затем обедал у лорда Каслри, в 11 часов отправился в театр, а после спектакля — к маркизе Гердфорд, где оставался до 3 часов, пока все не разъехались»³⁵.

Фридрих Генц

Роль главного распорядителя Венского конгресса выполнял канцлер Австрии Клеменс фон Меттерних, который был одним из самых ярких и известных политиков и государственных деятелей первой половины XIX века.

Мировоззрение Меттерниха можно охарактеризовать одновременно как консервативное, так и космополитическое. Человек, который руководил политикой Австрийской империи почти пятьдесят лет, впервые посетил Австрию лишь в тринадцатилетнем возрасте, а постоянно поселился там лишь в семнадцать лет. Будучи по своему складу космополитом, Меттерних всегда более уютно чувствовал себя, говоря по-французски, а не по-немецки. В 1824 году он писал Веллингтону: «Теперь уже в течение длительного времени роль отчизны играет для меня Европа».

³⁴ Рахимир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 141.

³⁵ Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов Венской тайной полиции. С. 137.

Несмотря на то, что в Меттернихе принято видеть консерватора, его ни в коем случае нельзя считать традиционалистом. Скорее Меттерниха можно охарактеризовать как убежденного приверженца стабильности. С его точки зрения целью реальной политики должно быть соблюдение существующего порядка, в котором действуют не только традиционные, но и новые институты. Возвращение к прошлому так же рискованно и нежелательно, как и переход к новому, и то, и другое может дестабилизировать ситуацию, чего следует всячески избегать. Меттерних был противником только таких нововведений, которые нарушали установленное равновесие. Мировоззренческим кредо австрийского министра была умеренность. В инструкциях одному из австрийских послов он писал: «Гораздо важнее свести на нет претензии других, чем настаивать на наших собственных... Чем меньше мы будем запрашивать, тем больше приобретем».

Приверженность к стабильности вызывала симпатии и понимание у партнеров по переговорам. Даже солидная внешность Меттерниха придавала ему высокое

Клеменс фон Меттерних

значение среди королей, дипломатов и в светском обществе.

Негативно сказывалось на его репутации то обстоятельство, что он злоупотреблял

дипломатическими тонкостями и прибегал к явной лжи, и потому нередко терял доверие и уважение. Но в то же время

он умел вновь возвращать

Вильгельмина Саган

доверие к себе людей, которые уже не хотели иметь с ним никакого дела. Так, например, Меттерних имел достаточно сильное влияние на Александра I. И хотя российского императора раздражало двуличие австрийского министра, тем не менее, Александр прислушивался к нему.

Весной 1813 года для Меттерниха началась самая сильная любовная история в его жизни — роман с герцогиней Вильгельминой Саган. К этому времени они были знакомы уже около 10 лет. Вильгельмина (как и ее младшая сестра Доротея, о которой речь пойдет ниже) была внучкой Эрнста Иоганна Бирона, и, вероятно, приходилась

родственницей российской императорской династии, так как по мнению некоторых историков, ее отец, курляндский герцог Петр Бирон, был сыном Анны Иоанновны. Мать Вильгельмины была представительницей древнего дворянского рода фон Медем.

В 1800 году существовала вероятность того, что Вильгельмина выйдет замуж за Аркадия Суворова, сына великого русского полководца, который некоторое время гостил в доме матери Вильгельмины, в Праге. Аркадий Суворов даже отправился на смотрины, но из-за смерти отца вынужден был вернуться в Петербург.

Тем не менее самым сильным переживанием для нее стали отношения с прусским принцем Луи Фердинандом, племянником короля Фридриха II. Сестра принца, княгиня Радзивилл, находившаяся в дружеских отношениях с матерью Вильгельмины, благосклонно восприняла идею альянса своего брата с представительницей курляндского дома. Однако с точки зрения членов прусской королевской семьи внучка Бирона была неподходящей партией для принца. Вынужденный разрыв был очень болезненный и для Луи Фердинанда, и для Вильгельмины. Луи Фердинанд погиб в 1806 году в битве с французами при Энафельде, и, вероятно, именно гибель человека, которого Вильгельмина любила по-настоящему, стала одной из главных причин ее ненависти к Наполеону. Здесь стоит отметить, что незадолго до гибели у Луи Фердинанда был роман с Екатериной Багратион, одной из блистательных дам и главной соперницей Вильгельмины Саган на Венском конгрессе, о которой речь пойдет ниже.

После разрыва с Луи Фердинандом, Вильгельмина Саган дважды выходила замуж. Ее первым мужем стал Луи де Роган, род которого был одним из самых знатных в Европе, а его представители считались на равных с принцами крови. Брак оказался неудачным, и в 1805 году последовал развод. Затем Вильгельмина вышла замуж за князя Василия Сергеевича Трубецкого, но и этот брак распался очень быстро. В 1810 году у нее завязываются отношения с молодым князем Альфредом Виндишгрецем, будущим австрийским фельдмаршалом, который впоследствии станет командующим при подавлении восстаний в Вене, в Праге и Венгерского восстания 1848–1849 годов. Однако и у них отношения не сложились. Дело в том, что Виндишгрецы были представителями высшей католической аристократии империи, и для их семейства дважды разведенная протестантка оказалась совершенно неприемлема. Кроме того, Виндишгрец отличался очень ревнивым характером, а Вильгельмина всегда была окружена поклонниками. Ссоры на грани разрыва чередовались с примирением, но в их отношениях ничего радикально не менялось.

Весной 1813 года Альфред Виндишгрец находился в действующей армии, и Вильгельмина была открыта для нового романа. В это время она находилась в своем чешском владении Ратиборжице, недалеко от Йичина, где располагалась ставка австрийского императора. Меттерних, в силу своего служебного положения часто бывая в ставке, заезжал в имение герцогини. По словам биографа австрийского канцлера, в ней «неизъяснимая женская притягательность сочеталась с острым умом, интересом к политике, то есть всем тем, что так привлекало Меттерниха»³⁶. Сам он говорил ей: «Если бы вы были мужчиной, вы стали бы моим другом. Вместе мы вершили бы великие и успешные дела. Вы могли бы быть послом, а я министром, или же наоборот»³⁷. Однако отношения между ними складывались непросто. Вильгельмина обладала сложным характером, была склонна к самостоятельному поведению, дорожила своей независимостью. Меттерних стал испытывать сильное чувство ревности. Перепады в их отношениях от ощущения счастья до болезненных размолвок оказывали сильное влияние на душевное состояние Меттерниха и, следовательно, на его государственную деятельность.

Существует точка зрения, что в романе с Меттернихом Вильгельмина выполняла функцию агента российского императора, и ее задача заключалась в том, чтобы склонить Меттерниха к скорейшему вступлению Австрии в антинаполеоновскую коалицию. В реальности, по-видимому, ситуация была сложнее. Вильгельмину, вероятно, привлекала мысль о том, что в переломный момент жизни Европы она может сыграть историческую роль. Но даже если роман герцогини Саган и Меттерниха был изначально вызван политическими обстоятельствами, то в любом случае в скором времени он обрел самостоятельный характер³⁸.

Противоборство Меттерниха и Александра I было одной из стержневых линий взаимоотношений между участниками Венского конгресса, которое можно охарактеризовать как дипломатическую дуэль. Помимо политических причин это противостояние в значительной мере было вызвано личным соперничеством российского императора и австрийского князя. Как отмечает биограф Меттерниха, «"Ce grand charmeur" (этот великий соблазнитель), как называли царя в Европе, не мог не столкнуться с «любезным соблазнителем» из Вены в борьбе за симпатии европейской знати»³⁹.

³⁶ Рахимир П.Ю. Указ. соч. С. 106.

³⁷ Там же. С. 109.

³⁸ См.: Там же. С. 108.

³⁹ Там же. С. 133.

После того как Александр I прибыл в Вену, Меттерних в своем письме поделился с Вильгельминой впечатлениями о торжественной встрече российского императора, причем стиль этого письма напоминал репортаж с театра военных действий: «Вместо того, чтобы быть с моим другом, я должен был вступить в первую схватку с царем. Я понял, что он хотел произвести рекогносцировку. Как хороший офицер, я не мог ему этого позволить. В результате царь так ничего и не узнал о моих намерениях, а я ясно видел то, чего он хочет. Я выдвинул свой авангард и могу спать спокойно. Армейские корпуса не будут застигнуты врасплох»⁴⁰.

По мнению ближайшего помощника Меттерниха Фридриха Генца, Александр I испытывал сильную неприязнь к австрийскому министру. По его словам, российского императора выводили из себя «спокойствие и благожелательность, которую Меттерних всегда противопоставлял его предубеждениям». Австрийский канцлер действительно обладал выдержкой, тактом и изысканными манерами. Однако, по мнению П.Ю. Рахшмира, то огромное влияние, которое он приобрел, усугубило отрицательные черты его характера, как высокомерие и самонадеянность, в результате чего австрийского канцлера стало «заносить». Он стал чувствовать себя на равных с монархами. Один из мемуаристов вспоминал, что Меттерних «относился к суверенам легкомысленно, говорил с ними не вставая с места, и позволял себе оскорбительный тон». В какой-то степени это подтверждали слова самого Меттерниха, написанные им несколько позднее в письме к Доротее Ливен: «Если бы ты знала мои суждения об обитателях высших сфер, ты могла бы счесть меня за якобинца»⁴¹.

В то же время Меттерних смог в полной мере воспользоваться возможностями переиграть Александра, которые ему предоставились в ходе визита российского императора и великой княгини Екатерины Павловны в Англию. В отличие от Александра I, он старался наладить хорошие отношения с принцем-регентом, избегал контактов с оппозицией. Вместе с другими почетными гостями, российским послом в Лондоне графом Х.А. Ливеном и прусским фельдмаршалом Г. Блюхером, Меттерних был удостоен степени почетного доктора Оксфорда. Рассказывая о деятельности Меттерниха в Лондоне, супруга российского посла Доротей Ливен вспоминала: «Князь Меттерних, зритель, которого весьма забавлял этот спектакль. Он сразу же извлекает из этого выгоду. Спокойным взглядом он взирает на эту живую картину и легко, изрядно забавляясь, вершит большую политику». Она описала один из способов, с помощью которого

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 143.

Меттерниху удалось найти подход к принцу-регенту. По ее словам, австрийский канцлер «полностью поработил дух принца-регента. Он потакает его тщеславным наклонностям, которые выглядят чрезвычайно смешно у суверена. Он вручил ему австрийский орден Золотого Руна, с которым принц никогда не расстанется, и звание офицера австрийской кавалерии. Принц-регент с удовольствием щеголяет в белой форме»⁴².

Как уже отмечалось, светские приемы, балы, праздники были важным коммуникативным инструментом достижения дипломатических целей. Меттерних умел искусно пользоваться данным инструментом, это в полной мере соответствовало его характеру и особенностям личного дипломатического искусства. Как пишет П.Ю. Рахшмир, свойственные Меттерниху «фривольность и легкомыслие нередко были искусной маской, под которой скрывался холодный и точный расчет». Преимущество канцлера состояло в том, что он с равным успехом мог вести дипломатическую игру в кабинетах, гостиных, танцевальных залах и будуарах»⁴³. Прусский ученый и дипломат Вильгельм фон Гумбольдт, принимавший участие в работе конгресса, писал: «Меттерниха интересуют только празднества или живые картинки. Слушая сразу двух послов, он одновременно смотрит, как танцует его дочь, и грациозно шутит с дамами. Для него пустяки — это серьезно, а серьезные вещи он считает пустяками»⁴⁴. Несмотря на то, что организация и участие в праздниках требовали много времени и сил, эти затраты оправдывали себя, так как в результате создавалась более благоприятная и комфортная среда для решения важных политических задач.

Легкая и праздничная атмосфера, окружавшая работу конгресса, в полной мере оказала влияние на Меттерниха. Информатор австрийской полиции описывал один из рабочих дней Меттерниха, 14 октября 1814 года, следующим образом: «Меттерних уже не владеет собой из-за любви и тщеславия; он теряет обычно все утро, вставая с постели не раньше 10 часов, и, едва одевшись, спешит воздыхать возле Саган. Как правило, его ожидают ежедневно не менее сорока человек, но он уделяет для них примерно час, то есть успевает принять трех-четырех. Часто даже ближайšie помощники Гуделист и Генц вынуждены ждать приема по нескольку часов»⁴⁵. По Вене ходила история о том, что однажды Меттерних из-за своего утреннего свидания с Вильгельминой опоздал к подписанию договора с королем Баварии, согласившимся отдать Австрии часть своих владений в обмен на территории в Италии, и когда

⁴² Там же. С. 138.

⁴³ Там же. С. 140.

⁴⁴ Там же. С. 139.

⁴⁵ Там же. С. 141.

Меттерних все-таки прибыл, король успел передумать. Скорее всего, это легенда, но само ее появление показательно для характеристики образа жизни и внутреннего состояния австрийского канцлера.

К концу 1814 года отношения Меттерниха и Вильгельмины Саган приближались к разрыву, и это не могло не сказываться на рабочем состоянии австрийского канцлера. Иоанн Каподистрия, входивший в состав российской делегации, жаловался К.В. Нессельроде: «С Меттернихом невозможно вести переговоры. Он слишком переменчив... Он сегодня отрицает то, с чем был согласен накануне». Практически то же самое говорил представитель Вюртемберга граф Сольмс: «Меттерних не изучает основательно обсуждаемые вопросы, не углубляется в дискуссию. Он не способен серьезно вести дела, считает излишним фиксировать свое внимание на каком-либо конкретном сюжете»⁴⁶.

Тем не менее, основные политические задачи приходилось решать. Одной из главных линий в стратегии Меттерниха была дипломатическая игра с канцлером Пруссии Карлом Гарденбергом. Основное ее содержание составляли намеки и неопределенные обещания, и, таким образом, для Гарденберга она иногда сводилась к игре на нервах. И уже 9 октября прусский канцлер не выдержал и направил Меттерниху и Каслри одинаковые ноты, смысл которых заключался в следующем. Главное желание Гарденберга состоит в получении поддержки Англии и Австрии в саксонском вопросе; взамен он готов поддержать их в вопросе о Польше. Кроме того, он претендовал еще и на Майнц. Каслри был готов отдать Пруссии Саксонию, так сильная Пруссия могла бы стать важным элементом системы сдержек и противовесов на европейском континенте. Однако Меттерниху пойти на это было сложнее. Против поглощения Саксонии Пруссией был император Франц, в первую очередь, исходя из принципа легитимизма, считая неприемлемым свержение законного монарха. Той же самой позиции придерживались австрийские генералы по стратегическим соображениям. Дополнительную пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что прусский король Фридрих Вильгельм III не был в курсе действий своего министра.

Меттерних ответил на ноту Гарденберга только 22 октября. Он выразил готовность предоставить Пруссии только часть территории Саксонии, в то время как ее ядро, включая земли, граничившие с Австрией, по его мнению, было необходимо сохранить в качестве самостоятельного государства. Таким образом, складывалась ситуация, что свои территориальные претензии Пруссия должна была удовлетворить за

⁴⁶ Рахимир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 150.

счет Польши. Каслри в принципе согласился с ответом Меттерниха и предложил принять его за основу. Вместе с тем он продолжал оказывать давление на Меттерниха с тем, чтобы добиться у него уступок в саксонском вопросе, и в какой-то мере австрийский канцлер начинал поддаваться влиянию британского министра. И хотя Гарденберг не был удовлетворен ответом Меттерниха, он был готов с пониманием отнестись к его положению и аргументам в вопросе о Саксонии. Кроме того, прусский канцлер снял претензии на Майнц. По предложению Каслри результаты переговоров было решено изложить в отдельном меморандуме.

Александр I был возмущен и назвал результаты переговоров Австрии, Пруссии и Великобритании «заговором 23 октября». И хотя главным противником присоединения Польши к России был Каслри, Александр решил выместить все свое негодование на Меттернихе. 24 октября 1814 года состоялась одна из самых острых бесед между Александром I и Меттернихом. По словам Талейрана, российский император разговаривал с австрийским канцлером таким тоном, какой мог показаться грубым даже по отношению к слуге⁴⁷. Меттерних также потерял самообладание и впоследствии, рассказывая об этом разговоре, назвал его «диким поединком». Канцлер обвинил императора в том, что он «представляет теперь те же принципы, что и Наполеон, навязывает свои интересы и свою волю, ни с кем не считаясь». Когда же Александр в свою очередь обвинил Меттерниха в том, что он и только он один противостоит его планам, тот ответил, что гордится такими обвинениями, поскольку нация упрекает его в уступчивости и слабости. По словам шведского поверенного в делах Хегардта, в конце спора очень возбужденный император спрашивал у Меттерниха, неужели тот думает, что будет диктовать законы или отнимать завоеванное; пусть не заблуждается на этот счет, а лучше пошлет кого-нибудь в Польшу посчитать, сколько там русских войск; тогда он может быть сочтен более благоразумным говорить с царем другим тоном. По воспоминаниям Хегардта, «князь Меттерних был так потрясен резким и энергичным выпадом российского императора, что, пятясь спиной к выходу, с трудом нашел дверь»⁴⁸. Однако Александр на этом не остановился. Он нанес удар по самому больному месту князя, упомянув о герцогине Саган, отношения с которой у Меттерниха и так уже зашли в тупик, так как она постоянно принимала у себя не только Виндишгреца, но еще и лорда Стюарта, двоюродного брата Каслри. А за четыре дня до этого на балу у Штакельберга

⁴⁷ Там же. С. 146.

⁴⁸ Там же. С. 147.

Вильгельмина попросила аудиенции у Александра I «в связи со своими российскими интересами». Император с присущими ему галантностью и шармом ответил ей: «Моя дорогая Вильгельмина, о какой аудиенции может идти речь? Я сам приду повидаться с Вами. Назовите лишь день и час, — к примеру, завтра в 11». Стоит ли говорить о том, что Александр I прекрасно знал, что именно в это время проходили свидания герцогини с Меттернихом⁴⁹.

В тот же день, 24 октября, Александр, Франц и Фридрих Вильгельм отправились в заранее запланированную поездку в Будапешт. Во время этой поездки Александру без труда удалось привлечь на свою сторону прусского короля. Российский император хотел заручиться поддержкой Франца, но это ему не удалось: австрийский император продолжал поддерживать своего министра.

По возвращении из Будапешта Александр I пригласил к себе Гарденберга и в присутствии Фридриха Вильгельма заставил его признаться в выходящих за пределы его полномочий переговорах с Меттернихом и Каслри. Прусский король был возмущен, и запретил Гарденбергу вести какие-либо переговоры со своими коллегами. Российский император был очень недоволен неблагодарными по отношению к России действиями прусского министра, однако согласился считать их результатом интриг Меттерниха. А чтобы усилить конфликт между прусским и австрийским министрами, Александр сообщил Гарденбергу, будто Меттерних сам предложил ему свое содействие в польском вопросе, если по вопросу о Саксонии Россия поддержит Австрию. Репутация Меттерниха была такова, что Гарденберг вполне мог в это поверить. Австрийский канцлер решил сделать ответный шаг. 7 ноября 1814 года он написал Гарденбергу письмо, в котором фактически обвинил российского императора во лжи.

Меттерниху пришлось мобилизовать все свои силы, чтобы эффективно противостоять российскому императору. В какой-то мере в этом ему помог уже почти окончательный разрыв с Вильгельминой, так как отношения с ней постоянно ломали его душевное равновесие. В дипломатической войне с Александром Меттерних держался твердо и не сдавался. Сцену, разыгравшуюся между ним и Александром 24 октября, Меттерних много раз пересказывал в своей собственной интерпретации, которая в конце концов стала доминирующей. Постепенно Меттерних стал завоевывать симпатии венского общества. Один из информаторов австрийского министра полиции Хагера писал: «Многие люди, которые до сих пор были против князя Меттерниха, теперь хвалят его за то, что он показал характер по отношению к русскому императору.

⁴⁹ Там же. С. 148.

Талейран

Говорят также, что князь Меттерних диктует свои условия Пруссии и России, требует, чтобы конгресс работал спокойно. Но Россия и Пруссия показывают зубы. Это означает, что он не обычный, а великий министр»⁵⁰.

Между тем в венском свете начала падать популярность Александра I, чему способствовал его конфликт с Меттернихом. Кроме того, многих венцев стала раздражать его чрезмерность «по части развлечений, плохо сочетавшаяся с его стремлением выглядеть поборником высокой морали и филантропом». В венском обществе широко распространился и был встречен с одобрением

ответ графини Сечени, который она дала императору. «Мадам, — сказал ей Александр I на балу, — я вижу что здесь нет вашего мужа. Не позволите ли вы мне такое удовольствие, как временно занять его место?» «Ваше величество принимает меня за провинцию?» — находчиво парировала графиня⁵¹.

Недовольство венцев также вызвало поведение цесаревича Константина Павловича. Будучи почетным шефом австрийского кирасирского корпуса, он буквально замучил его строевой подготовкой, парадами и маневрами. Однажды, в конце октября, недовольный действиями кавалеристов, он грубо оскорбил командира полка, которым был князь Альфред Виндишгрец. Тот вызвал великого князя на дуэль, причем знатность рода позволяла ему это сделать. Александр I распорядился, чтобы Константин Павлович принес извинения, а затем отправил своего брата в Варшаву⁵².

В области дипломатии ситуация для российского императора стала развиваться не совсем благополучно. Наложив вето на переговоры Гарденберга с Меттернихом и Каслри, Фридрих Вильгельм полностью поддержал Александра. Это стало одним из факторов сближения Австрии и Великобритании с Францией, что вскоре привело к формированию тройственного союза.

Францию на Венском конгрессе представлял выдающийся дипломат Шарль-Морис де Талейран. Воцарившийся во Франции после Наполеона Людовик XVIII не любил Талейрана, как деятеля революции и одного из ключевых министров наполеоновского правительства. Тем не менее французский король поручил именно

⁵⁰ Рахимир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С.152.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

Талейрану вести переговоры на Венском конгрессе, не имея в своем распоряжении никакой кандидатуры, способной заменить его.

Талейрану предстояло решить на Венском конгрессе очень нетривиальную задачу, и сделать это ему удалось, проявив свои дипломатические и коммуникативные способности. По мнению Е.В. Тарле, Талейран «всю сознательную жизнь указывал на Венский конгресс как на то место, где он упорно отстаивал — и отстоял — интересы своего отечества от целого полчища врагов, и притом в самых трудных, казалось бы, безнадежных обстоятельствах, в каких только может очутиться дипломат: не имея за собой в тот момент никакой реальной силы»⁵³. Действительно, Франция в тот момент была побежденной страной, истощенной многолетними войнами, против которой выступала коалиция ведущих держав Европы.

Положение Талейрана осложняла также его негативная личная репутация. Помимо того, что его считали абсолютно аморальным и беспринципным, способным предать в любой момент, Талейран был именно тем человеком, с которым участники Венского конгресса в свое время имели дело как с главным представителем наполеоновской Франции в течение всей первой половины правления французского императора. В качестве министра Талейран всегда оформлял соглашения после побед Наполеона, в соответствии с которыми побежденные страны теряли свои территории. Талейран являлся автором часто высокомерных, ядовитых, ироничных или прямо оскорбительных дипломатических нот, адресованных тем самым правителям европейских стран, которые присутствовали на конгрессе.

Основными задачами Талейрана было противодействие стремлению России получить Польшу, а Пруссии — Саксонию. Решению этих задач должен был способствовать распад антифранцузской коалиции, которого Талейран целеустремленно и упорно добивался.

На конгрессе Талейран держал себя так, как если бы он был министром не побежденной, а победившей страны. Не случайно Александр I сказал о нем в Вене: «Талейран и тут разыгрывает министра Людовика XIV»⁵⁴.

Французская делегация во главе с Талейраном прибыла в Вену 23 сентября 1814 года. Через неделю, 30 сентября, он устно сформулировал три основных требования Франции на Венском конгрессе: во-первых, Франция признает только те решения Конгресса, которые будут приняты на пленарных заседаниях с участием всех

⁵³ Тарле Е.В. Талейран // Тарле Е.В. Избранные сочинения в 4 томах. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1992. С. 599.

⁵⁴ Там же. С. 601.

его членов; во-вторых, Франция желает, чтобы Польша была либо возвращена к тому положению, в котором она была в 1805 году, либо была восстановлена в том виде, в котором она была до первого раздела в 1772 году; в-третьих, Франция не согласится ни на расчленение, ни тем более на уничтожение Саксонии. Для решения этих задач Талейран действовал одновременно в двух направлениях. С одной стороны, он пытался привлечь на свою сторону представителей малых стран, выдавая себя за поборника их прав в противостоянии с великими державами. С другой — Талейран начал предпринимать попытки сближения с Англией и Австрией в противовес России.

Политическим принципом, выдвинутым на первый план Талейраном, стал легитимизм. В соответствии с этим принципом ни одной территорией, ни одной короной нельзя распоряжаться до тех пор, пока законный обладатель от нее формально не отказался. Владения, отнятые у законного государя, должны быть ему возвращены. Талейрану, будучи представителем страны, не имевшей возможности претендовать на территориальные приобретения, было нетрудно отстаивать принцип легитимизма. Будучи органично вписан во внешнеполитическую стратегию страны, потерпевшей поражение, принцип легитимизма должен был способствовать решению двух основных задач: закреплению нерушимости французских границ 1792 года и воспрепятствованию приобретению Россией герцогства Варшавского, а Пруссией — Саксонии⁵⁵.

Одним из средств донесения неявных мотивов своей позиции и оказания влияния на партнеров по переговорам было распространение сведений о неформальных разговорах в светских салонах с целью внесения в пространство переговоров информации определенного рода. Граф де Латур дю Пэн, входивший в свиту Талейрана, говорил: «Франция желает лишь противовеса против России. Соединилось же христианство против мусульман несколько веков тому назад, почему же ему не соединиться против калмыков, башкир и северных варваров... Мы не позволим, чтобы над нами насмеялись. У нас есть 400 000 человек, которые готовы к действию по первому свистку. Мы собираемся ежедневно в 4 часа утра у Талейрана, и он дает каждому из нас тему»⁵⁶. Сам Талейран также часто высказывал свою позицию в светских беседах. По информации австрийской тайной полиции, «находясь у князя де Линь, Талейран говорил против русских и высказывал опасение, которое ему внушают их успехи. Посреди его речи докладывают о прибытии одного русского генерала.

⁵⁵ Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. С. 323.

⁵⁶ *Тарле Е.В.* Талейран // *Тарле Е.В.* Избранные сочинения в 4 томах. Т. 2. С. 603.

Талейран сейчас же меняет тему разговора и распространяется в похвалах России»⁵⁷. Целью подобных разговоров было распространение среди представителей великих держав тревоги по поводу гипотетической опасности возникновения доминирования России, которое может прийти на смену господству наполеоновской Франции в Европе.

Для усиления своей переговорной позиции Талейран распространял слухи, свидетельствующие о том, что Франция не так слаба, как могло бы показаться на первый взгляд. Он говорил, что у Франции есть наготове двухсоттысячное войско, чтобы отстоять свои требования.

Российский император Александр I оказался для Талейрана сильным противником и трудным партнером по переговорам. Первая встреча Талейрана и Александра в Вене состоялась 3 октября 1814 года на аудиенции, которую император дал Талейрану в присутствии К.В. Нессельроде. Представитель Пруссии Вильгельм фон Гумбольдт говорил об Александре: «Русский император фальшив и упрям, и, ведя с ним переговоры, никогда нельзя принять достаточно предосторожностей». Позиция Александра I была основана на силе России как страны-победительницы и на представлении о том, что союзные державы на правах победителей могут определять судьбы государств. Высказываясь о двух главных для России проблемах — о статусе Польши и Саксонии, Александр I заявлял: «Я удержу то, что я занимаю». Талейран ответил ему: «Ваше величество пожелает удержать лишь то, что законно Вам принадлежит». Далее состоялся следующий диалог:

Александр: «Я — в согласии с великими державами».

Талейран: «Я не знаю, считает ли Ваше величество Францию великой державой».

Александр: «Да, конечно, но если Вы не желаете, чтобы каждый нашел то, что ему подходит, так на что же Вы претендуете?».

Талейран: «Для меня, прежде всего, право, а уж потом то, что подходит».

Александр: «То, что нужно для Европы, и составляет право».

Талейран: «Этот язык, государь, не Ваш язык, он Вам чужд и Ваше сердце его отвергает».

Александр: «Нет, я повторяю: то, что нужно Европе, и есть право».

Увидев, что диалог не складывается, Талейран решил прибегнуть к театральному жесту. В своем донесении Людовику XVIII об этой встрече он писал: «Тогда я обратился к гипсовому панно, у которого я стоял, прислонился к нему головой

⁵⁷ Там же. С. 604.

и, ударив рукой по стене, я воскликнул: «Европа! Несчастливая Европа!» Повернувшись к императору, я сказал: «Должно ли будет сказать, что Вы погубили Европу?» Он мне ответил: «Скорее война, чем я откажусь от того, что я занял». Тогда я опустил руки и в позе удрученного, но решившегося человека, которая как бы говорила ему: вина будет не моя, — я хранил молчание»⁵⁸. Таким образом, все тактические переговорные маневры Талейрана в разговоре с Александром I не принесли желаемого результата.

Следующая, вторая, встреча Александра I и Талейрана состоялась 23 октября 1814 года. Эту беседу сам Талейран через два дня изложил в донесении в Париж Людовику XVIII следующим образом.

Александр I: «В Париже Вы были того мнения, что необходимо царство польское; как же случилось, что Вы изменили мнение?»

Талейран: «Мое мнение, государь, осталось прежним. В Париже шла речь о восстановлении всей Польши. Я хотел тогда, как и хочу теперь, ее независимости. Но теперь речь идет совсем о другом. Вопрос подчинен определению границ, которые давали бы безопасность Австрии и Пруссии».

Александр I: «Они не должны беспокоиться. А впрочем у меня в герцогстве Варшавском двести тысяч человек, пусть же меня оттуда выгонят. Я отдал Пруссии Саксонию, Австрия на это согласна».

Талейран: «Я не знаю, согласна ли на это Австрия. Мне бы трудно было этому поверить, до такой степени это не в ее интересах. Но даже и согласие Австрии может ли сделать Пруссию владелицей того, что принадлежит саксонскому королю?»

Александр I: «Если саксонский король не отречется, уведут в Россию. Он там и умрет. Другой король уже умер там».

Талейран: «Ваше величество, позвольте мне не поверить Вам. Конгресс собрался не затем, чтобы видеть подобное покушение».

Александр I: «Как? Покушение? Разве король Станислав не поехал в Россию? Почему бы и саксонскому королю туда не отправиться? Положение одного из них подобно положению другого. Для меня тут нет никакой разницы».

Далее Талейран писал королю Людовику XVIII: «У меня было слишком много для ответа. Я признаюсь Вашему величеству, что я не знал, как сдержать свое негодование. Император говорил быстро. Одна из его фраз была такова: я думал, что Франция мне обязана кое-чем. Вы мне все говорите о принципах: ваше международное

⁵⁸ Там же. С. 605.

право для меня ничто, я не знаю, что это такое. Как Вы думаете, много ли для меня значат ваши пергаменты и все ваши трактаты?»

Анализируя этот диалог, Е.В. Тарле справедливо отмечал ироничный тон Александра, адресованный собеседнику. Такие обороты как «ваше международное право» скорее свидетельствовали не о пренебрежении международным правом со стороны российского императора, а представляли собой язвительный намек на беспринципность самого Талейрана в отношении международного права в то время, когда он был наполеоновским министром. По мнению Тарле, «ведь вполне ясно, что Александр именно с язвительной иронией, глядя в глаза продажному предателю, который от него лично получал взятки с 1808 года вплоть до 1814-го, подчеркивал о «ваших трактатах», «вашем пергаменте», «вашем международном праве»⁵⁹.

Увидев, что в польском вопросе добиться уступок от российского императора невозможно, Талейран перевел разговор на не менее важную для него тему — саксонскую проблему. Но и здесь Александр был тверд: «Для меня есть нечто выше всего — это мое слово. Я обещал Саксонию прусскому королю в тот момент, как мы соединились». Талейран отвечал: «Ваше величество обещали прусскому королю от девяти до десяти миллионов душ. Вы можете дать их ему, не уничтожая Саксонию». «Саксонский король изменил», — заявил Александр. Талейран возражал. Закончил аудиенцию Александр I словами: «Прусский король будет королем Пруссии и Саксонии, как я буду русским императором и королем польским. Уступчивость, которую Франция обнаружит ко мне в этих двух вопросах, будет соразмерна с той, которую я обнаружу относительно Франции во всем, что может интересовать Францию»⁶⁰.

Утвердить статус Франции, сопоставимый с другими державами на конгрессе, и ценности легитимизма, Талейран попытался также с помощью традиционного коммуникативного инструмента — символического ритуального действия. По инициативе и при непосредственном руководстве Талейрана 21 января 1815 года в венском соборе состоялась траурная церемония в память годовщины казни Людовика XVI. В центре собора был установлен катафалк, по углам которого стояли статуи скорбящей Франции и плачущей Европы. Хор в составе 250 человек исполнил

⁵⁹ Там же. С. 610–611.

⁶⁰ Там же. С. 611.

реквием⁶¹. По словам самого Талейрана, дань памяти Людовику XVI была также способом связать нить времен и вновь подтвердить законные права династии Бурбонов⁶².

При этом Талейран не забывал и о своих личных интересах. Король Саксонии купил его ходатайство за три миллиона франков. Ходили слухи, что он получил большие суммы в одно и то же время от Мюрата, короля Неаполя, и его противника Фердинанда IV, дав обоим обещание защищать их интересы на конгрессе. По оценке историка, «он нередко брал верх над другими дипломатами находчивостью и смелостью, доходившей до бесстыдства»⁶³.

Уделяя значительное количество времени и сил коммуникации со своими партнерами по переговорам, Талейран не был склонен к рутинной работе, требовавшей усидчивости. При этом в его окружении были люди, на которых он мог опираться в решении многих, в том числе коммуникативных, задач. Говоря о своих сотрудниках на Венском конгрессе, Талейран отмечал: «Герцог Дальберг, имеющий множество знакомых, служит мне для распространения таких секретов, которые я хочу сделать известными всему свету; герцог Ноаль — человек марсанского павильона (то есть пользовался доверием Людовика XVI); если за мной хотят следить, то пусть лучше это будет предоставлено ему, которого я избрал сам, нежели кому-либо другому, неизвестному мне; Ла-Тур дю Пен годится для визирования паспортов; Бенардиера я употребляю для работ»⁶⁴.

Одной из самых интересных страниц истории Венского конгресса является стремление дипломатов оказывать влияние на лиц, принимающих решения, правительства и общественное мнение ведущих государств. Важным инструментом осуществления подобного влияния была пресса. В Австрии общественное мнение формировала газета *Oesterreichische Beobachter*, отражавшая позицию Меттерниха. Ф. Генц размещал статьи в различных изданиях, в которых проводил точку зрения своего шефа, и эти статьи представлялись современникам образцами силы и убеждения⁶⁵.

Доминирующие тенденции в общественном мнении Великобритании можно было проследить по дебатам в палате общин. По словам одного из участников

⁶¹ Басовская Н., Венедиктов А. Талейран. Жизнь вне морали / историческая программа «Все так»; радиостанция «Эхо Москвы»; эфир 21.03.2009. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/vsetak/579868-echo/>.

⁶² Талейран. Мемуары. URL: <http://lingua.russianplanet.ru/library/taleiran/glava6.htm>.

⁶³ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. С. 14.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ The Congress of Vienna. 1814–1815. London, 1920. P. 94.

конгресса Сиднея Смита, которые затем были повторены известным публицистом дю Прадтом, «в силу того, что у нас есть английский парламент, в нашем распоряжении — трибуна для всей Европы»⁶⁶. Представители ведущих государств пытались использовать общественное мнение Великобритании для оказания влияния на Р. Каслри. Среди тех, кто размещал статьи в британской прессе, был баварский министр, который, в частности, опубликовал заметку в оппозиционной газете *Morning Chronicle* под псевдонимом «Саксонец» (Saxon). Представитель австрийского канцлера Мервельдт получил задание от Меттерниха разместить статьи в прессе. Однако Мервельдт не пользовался полным доверием Меттерниха. Он потратил достаточно много времени и сил на то, чтобы рассеять глубоко укоренившееся в британских политических кругах убеждение в том, что Австрия истощена как в военном, так и в финансовом отношении. Тем не менее Мервельдт получил от Меттерниха строгий выговор за обсуждение вопросов Венского конгресса с принцем-регентом и премьер-министром Ливерпулем.

Самая серьезная программа оказания влияния на правительство и общественное мнение Великобритании была предложена Александром I для российского посла в Лондоне Х.А. Ливена. В серии инструкций, полученных Ливеном от императора, говорилось о том, что политика Р. Каслри направлена на дестабилизацию европейского континента с тем, чтобы распространить влияние Великобритании на весь мир. Российский посол должен был наладить контакт с теми членами кабинета, которые были не согласны с действиями Каслри, а также с лидерами оппозиции. Предполагалось, что Ливен должен установить хорошие отношения с ведущими британскими журналистами и предложить им такую интерпретацию проблем, обсуждавшихся на Венском конгрессе, которая, с одной стороны, соответствовала бы интересам России, а с другой — не противоречила политическим убеждениям каждого отдельного журналиста. Особый акцент предполагалось сделать на экономических выгодах установления взаимопонимания с Россией. Интересно, что российский император предлагал подчеркнуть несоответствие между образом Великобритании как оплота либеральных ценностей и той фактической поддержкой, которую она в лице Каслри оказывала наиболее реакционным континентальным державам, под которыми подразумевалась, прежде всего, Австрия. План оказания влияния на британскую политику предполагал несколько стадий. В первую очередь

⁶⁶ Ibidem.

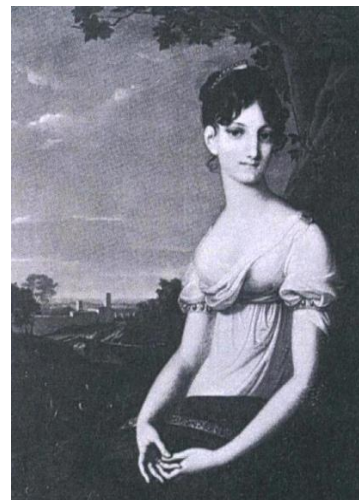
необходимо было предпринять попытку добиться учета российских интересов британским кабинетом министров. И только в том случае, если эта попытка потерпела бы неудачу, основные усилия следовало направить на оппозицию и прессу. Со своей стороны Ливен предлагал также предпринять усилия, направленные на завоевание благосклонности принца-регента⁶⁷. Учитывая, что принц-регент питает слабость к проявлением лести и разного рода почестям, и помня, как Меттерних добился его расположения, вручив ему орден Золотого Руна, Ливен предлагал наградить принца каким-либо российским орденом, и для начала вручить ему золотую цепь ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, которым принц-регент был награжден еще в 1813 году. Однако никаких новых российских орденов принц-регент так и не получил.

Талейран был одним из первых крупных европейских политиков, использовавших газеты для достижения своих целей. Желая склонить на свою сторону общественное мнение, Талейран инициировал публикацию во французских газетах статей, в которых подчеркивались бескорыстие и великодушие Франции. Так, например, в роялистской газете *Quotidienne* 7 ноября 1814 года была опубликована статья безымянного автора, в которой тот доказывал, что на основании Парижского трактата в решении вопросов послевоенного устройства должны принять участие все государства, являвшиеся независимыми до начала войны. По словам французского публициста, «законный государь остается державным в изгнании, и даже в оковах». Далее говорилось о том, что Франция, отказавшись от своих завоеваний, получила новые права и обязанности: защищать угнетенных, поддерживать слабых, стоять за нерушимость договоров и за права народов. Перечисляя необходимые, по его мнению, требования справедливости и благоразумной политики, автор требовал восстановления независимой Польши, самостоятельности Саксонии, Ганновера, Гессена, Баварии и Вюртемберга (то есть роспуска Германского союза)⁶⁸.

⁶⁷ Ibid. P. 95–96.

⁶⁸ Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. С. 35.

Как уже неоднократно отмечалось выше, важную роль в коммуникациях между представителями великих держав в ходе Венского конгресса играли женщины. Как-то раз молодой Луи Тьер сказал Талейрану: «Князь, Вы всегда говорите мне о женщинах, а я бы предпочел говорить о политике». Талейран на это ответил: «Друг мой, но ведь женщины и есть политика⁶⁹. На Венском конгрессе это наблюдение выдающегося дипломата нашло свое блестящее подтверждение. И в первую очередь этот свой тезис на практике подтвердил сам французский министр.

Доротея Саган

Спутницей Талейрана в Вене была Доротея Саган, младшая сестра Вильгельмины, впоследствии унаследовавшая от нее герцогство Саган. Она была замужем за племянником Талейрана, генералом графом Эдмоном Талейранде-Перигором. Этому браку, который был заключен в 1809 году, содействовал в свое время император Александр I. Брак не был счастливым. Как было принято в то время, имелась и романтическая история: якобы однажды известная в Париже ясновидящая Ленорман предсказала Доротее, что она расстанется с мужем и сблизится с влиятельным государственным деятелем, который вовлечет ее в большую политику. Так и произошло. Доротея Саган стала близкой подругой Талейрана. Впервые вместе они появились в обществе как раз на Венском конгрессе. Талейран нашел в двадцатилетней подруге ученицу и помощницу, которой можно доверить самую секретную информацию, единомышленницу и политическую союзницу. В апартаментах Талейрана во дворце Кауница Доротея принимала многочисленных гостей, покоряя их своей красотой и блеском туалетов, являвшихся образцом изысканного вкуса. Она умело вела переговоры, получая ценную дипломатическую информацию, а также помогала Талейрану вести тайную переписку. Многие из писем Талейрана Людовику XVIII носят печать ее такта и эмоциональности⁷⁰. Любимыми предметами Доротеи были новейшая история и литература на разных языках. Больше всего она любила беседовать о политике и искусстве. После завершения Венского конгресса Талейран и герцогиня Саган вместе вернулись во Францию и больше не расставались⁷¹. Оценивая по достоинству роль герцогини в жизни и политике Талейрана, завоевать ее симпатии

⁶⁹ Форст Е. Париж помнит штурм курляндской Доротеи. URL: <http://www.ceremonija.lv/pages/paris.ru.php>.

⁷⁰ Там же. С. 15.

⁷¹ Форст Е. Указ. соч. URL: <http://www.ceremonija.lv/pages/paris.ru.php>.

Екатерина Багратион

пытался и Александр I, стремясь таким образом узнать о намерениях французского министра и повлиять на него.

Другая женщина, игравшая важную роль на Венском конгрессе, — Екатерина Павловна Багратион, одна из племянниц светлейшего князя Григория Потемкина. По протекции Павла I в 1800 году она была выдана замуж за генерала Петра Багратиона. Семейная жизнь у них не сложилась. В 1805 году княгиня окончательно порвала с мужем и уехала в Европу. Из-за склонности к постоянному перемещению между европейскими городами ее стали называть «блуждающей княгиней». Современный британский историк Саймон Себаг-Монтефиоре отмечает: «Екатерина скандально прославилась на всю Европу», ее называли «Le bel ange nu» («Обнаженным Ангелом») за пристрастие к прозрачным платьям и «Chatte blanche» («Белой кошкой») — за безграничную чувственность⁷². Поселившись в Вене, Екатерина сделала свой дом блестящим светским салоном. Во время войн Франции с Россией Екатерина, убежденная противница Наполеона, собирала в своей венской гостиной представителей пророссийски настроенной европейской элиты. Она любила говорить, что знает больше дипломатических тайн, чем все посланники вместе взятые. Будучи любовницей Меттерниха, Екатерина имела на него сильное влияние. Впоследствии княгиня Багратион вспоминала, что именно она уговорила Меттерниха на вступление Австрии в антинаполеоновскую коалицию⁷³.

Особые отношения связывали Екатерину Багратион с Александром I. В период Отечественной войны 1812 года и после нее она поставляла российскому императору сведения о политических настроениях в Европе. В период проведения Венского конгресса Александр I бывал у нее по вечерам, и во время этих посещений, часто затягивавшихся допоздна, получал от княгини интересующую его информацию. Зная о близости Екатерины к Меттерниху, Александр пытался узнать о намерениях и мотивах австрийского министра. Однажды, во время Венского конгресса, Екатерина устроила грандиозный бал в честь Александра I.

⁷² Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М., 2003.

⁷³ Форст Е. Указ. соч. URL: <http://www.ceremonija.lv/pages/paris.ru.php>.

Стоят: крайний слева — А. Веллингтон, 6-й слева — К. Меттерних (с поднятой правой рукой), рядом с Меттернихом — К.В. Нессельроде, крайний слева под портретом — А.К. Разумовский, третий справа — Ф. Генц.

Сидят: крайний слева — К. Гарденберг, в центре — Р. Каслри, справа (положив руку на стол) — Талейран, рядом с Талейраном — Штакельберг.

В заключение можно отметить, что личные качества, мировоззренческие принципы и коммуникативные приемы главных участников Венского конгресса сыграли ключевую роль в выработке и принятии решений, которые сформировали политическую карту Европы на многие десятилетия вперед. При этом Венский конгресс стал в определенном смысле переломным моментом в изменении принципов взаимоотношений между странами. В то время как течение предшествующих столетий отношения между государствами определялись прежде всего личными отношениями между монархами, то начиная с Венского конгресса на первый план начинают выходить именно государственные интересы как фундаментальные факторы мировой политики, выразителями которых становятся лидеры и правительства ведущих держав.

Список литературы:

1. Левандовский А. Александр I / программа «Не так»; радиостанция «Эхо Москвы»; вед. С. Бунтман; эфир 16.03.2002. URL: <http://echo.msk.ru/programs/netak/17962/#element-text>.
2. Левандовский А. Александр I. Аракчеевщина / программа «Не так»; радиостанция «Эхо Москвы»; вед. С. Бунтман; эфир 30.03.2002. URL: <http://echo.msk.ru/programs/netak/18089/#element-text>.
3. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871.
4. Брион М. Повседневная жизнь Вены во времена Моцарта и Шуберта. М., 2009.

5. Бутенко В.А. Венский конгресс // Отечественная война 1812 года и русское общество. Юбилейное издание. 1812–1912. М., 1912. Т. 7.
6. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Биография. М., 2010.
7. Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.
8. Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991.
9. Из записок графини Эделинг // Русский архив. 1887. Вып. 3.
10. Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов Венской тайной полиции // Русская старина. Т. 157. Январь — февраль — март 1914.
11. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. URL: <http://www.rulit.net/books/diplomatiya-read-283887-1.html>.
12. Меттерних К.В., фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году // Исторический вестник. 1880. № 1.
13. Михайловский-Данилевский А.А. Записки 1814 и 1815 гг. СПб., 1841.
14. Лодей Д. Талейран. Главный министр Наполеона. М., 2009.
15. Нечаев С.Ю. Талейран. М., 2013.
16. Отечественная война в письмах современников (1812-1815) / сост. Н.Ф. Дубровин // Записки Императорской Академии Наук. Т. 43. СПб., 1882.
17. Рахимир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005.
18. Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. М., 2012.
19. Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М., 2003.
20. Басовская Н., Венедиктов А. Талейран. Жизнь вне морали / историческая программа «Все так»; радиостанция «Эхо Москвы»; эфир 21.03.2009. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/vsetak/579868-echo/>.
21. Талейран. Мемуары. URL: <http://lingua.russianplanet.ru/library/taleiran/glava6.htm> (23.06.2013).
22. Тарле Е.В. Наполеон // Тарле Е.В. Избранные сочинения. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1994.
23. Тарле Е.В. Талейран // Тарле Е.В. Избранные сочинения. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1994.
24. Третьякова Л. Петр Багратион: наши жены — пушки заряжены... URL: http://www.profile.ru/items_1889.
25. Форст Е. Париж помнит штурм курляндской Доротеи. URL: <http://www.ceremonija.lv/pages/paris.ru.php> (23.06.2013).
26. Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. М., 1993. URL: http://militera.lib.ru/bio/chulkov_gi/02.html (23.06.2013).
27. The Congress of Vienna. 1814–1815. London, 1920.